

Д. АНГЕЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ
РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ПУТЯХ ФЕОДАЛИЗМА*

Изучение эволюции феодализма в Византии с VIII до середины XV в. свидетельствует о том, что эта эволюция непосредственно связана с развитием аграрных отношений в империи, и в частности — с положением и судьбой непосредственного производителя и земельного собственника. В течение всего периода, когда в Византии происходило становление, а затем расширение и упрочение феодального базиса, феодальная зависимость формировалась двумя путями, каждый из которых достаточно хорошо освещен источниками. Для первого пути характерно предварительное лишение непосредственного производителя земли (экспроприация), что приводило лиц, которых это коснулось, к непреодолимым экономическим затруднениям и являлось первопричиной того, что они в конечном итоге оказывались под властью какого-либо феодала. Факторы, способствовавшие обезземелению, были самыми разнообразными: тяжелый налоговый гнет, характерный для фискальной системы Византии и особенно обременительный для мелкого земельного собственника на селе; злоупотребления администрации, произвол и насилие светских и церковных динатов, войны и нашествия, голодные годы и т. д. Период, когда обезземеление сельского населения приняло массовые размеры и охватило целые области, приходится на вторую половину XI в., когда Византия подвергалась нападением сельджуков, норманнов и печенегов, а также на весь XIV и первую половину XV в., когда владения империи в Малой Азии, а затем и ее европейские территории стали добычей османских завоевателей.

Процесс обезземеления, отторжения непосредственного производителя от земли, как известно, нашел отражение в появлении таких разнообразных терминов, как «апоры», «апоресанты», «актимоны», «птохи», «элевтеры», «ксены» и пр., которые встречаются во многих источниках с начала VIII до середины XV в., начиная примерно с «Земледельческого закона» и кончая последними «Писцовыми книгами». Независимо от несколько различного толкования этих терминов, явившихся предметом ряда исследований в трудах преимущественно советских византинистов, характерно, что во всех случаях речь идет о категориях, оставшихся по той или иной причине или с совершенно недостаточным количеством земли, или вообще без земли, т. е. оказавшихся в положении экспроприированных¹.

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.)

¹ См., например: *Е. Э. Липшиц*. Византийское крестьянство и славянская колонизация. — «Византийский сборник». Л., 1945, стр. 96 сл.; *А. П. Каждан*. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 42 сл., 100 сл.; *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 177 сл.; *М. М. Фрейденберг*. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII веках. — «Ученые зап. Велюлоукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 105 сл.; *К. А. Осипова*. Положение крестьянства в Византии в X в. М., 1953. Автореф. канд. дисс., стр. 7; *Б. Т. Горянов*.

Отсутствие земли — исходный момент, обуславливающий постепенное втягивание в феодальную зависимость. Оно происходит, как явствует из источников, чаще всего в результате переселения обезземеленного человека в имение светского или церковного землевладельца. На практике это осуществлялось двояко — по собственному желанию или благодаря вмешательству и по распоряжению центральной власти. О том, какие правовые отношения возникали между обезземеленным крестьянином и феодалом, в случае добровольного переселения, хорошо известно из решения Косьмы Магистра, нашедшего отражение в некоторых статьях «Пиры». Документальный материал о поселении обезземеленных лиц в имениях крупных землевладельцев, преимущественно монастырей, в результате вмешательства центральной власти содержится во многих императорских распоряжениях, начиная с середины X в. Это так называемый «арифмос», изучением которого занимались также преимущественно советские византисты. Терминологическим выражением практики поселения обезземеленных лиц на землях крупного землевладельца являются названия «парик» и «проскафимен», которые указывают, с одной стороны, на переселение, а с другой — на факт оседания данного человека в имении феодала.

Источники позволяют увидеть, что в большинстве случаев присельники (безземельные лица) на земле крупного собственника получают наделы из личного домена хозяина, т. е. превращаются из людей *γῆν ἰδίαν μὴ ἔχοντες* в крестьян, наделенных землей, которую они обрабатывают и за которую платят соответствующий налог. Характерный пример содержит новелла о париках монастыря Иоанна Колову (от 960 г.), которые пришли туда как неимущие лица, ввиду чего не платили налогов государству и носили прозвище «париков неплатежных». Впоследствии, однако, как явствует из другой новеллы (от 995 г.), они имели уже розданные им правлением монастыря земли в городе Иериссу и вокруг монастыря². Подобные случаи часто описываются в монастырских документах XI—XV вв.

О практике давать землю присельникам в имениях крупного землевладельца можно судить также по известной новелле Константина VII (от 947 г.), где говорится, что господская земля эксплуатируется двояко: она или раздается в виде наделов парикам, *παροικεῖν*, или обрабатывается с помощью наемных рабочих, *θητεοῦν*³.

Снабжение крестьянина землей, т. е. его аппроприация после того, как он предварительно был экспроприирован, вполне соответствует системе феодальных производственных отношений, предполагающих в качестве главного условия, чтобы непосредственный производитель был связан со средствами производства, владел землей. Разумеется, случилось, что присельники в имениях феодала оставались без надела (например, некоторые элевтеры, о которых идет речь в византийских *πρακτικά*, писцовых книгах XIII—XIV вв.).⁴ Это было, однако, насколько можно судить по источникам, довольно редким явлением, и оно не может опровергнуть общего тезиса о том, что поначалу аппроприация являлась регулярной и обычной практикой, создававшей из обезземеленного человека наделенного землей, но уже зависимого крестьянина.

Поздневизантийские писцовые книги. — BS, 1948, р. 203; Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в. — ГСУ, Фил.-ист. фак., 11, 1952, стр. 2; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии VIII—XIV в. М., 1952.

² Д. Ангелов. История на Византия, ч. II. София, 1963, стр. 14.

³ Ср. Jus, III, р. 266. 24.

⁴ Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 247. А. П. Каждан указывает, однако, что элевтеры не всегда оставались безземельными людьми, часто они выступают как лица, снабженные землей, подобно множеству париков (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., стр. 136). Землю получали и мистии, т. е. наемные рабочие; ср. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 90.

Таким образом, указанный путь формирования феодальной системы зависимости, исходным пунктом которого является экспроприация непосредственного производителя и завершением которого служит его апроприация, ставящая его под власть местного феодала, позволяет сделать вывод, что развитие византийского феодализма, несомненно сходно с развитием феодальных отношений в Центральной и Западной Европе. И здесь, и там типичен начальный этап — утрата аллода, что является экономической предпосылкой подчинения одних лиц другими. Такой путь развития характерен и для средневековой Болгарии; в подтверждение этого можно привести несколько примеров из скудного в общем материала источников. Хорошо известно, что и в болгарском государстве в VIII—IX вв. наблюдается процесс лишения крестьян земли, вызванный причинами социально-экономического и политического характера. Этот процесс приводит к массовому появлению нищих, о которых идет речь в законодательстве хана Крума (803—814). Согласно распоряжению Крума, нищим надлежит оказать необходимую помощь, чтобы они больше не просили милостыни. Весьма основательно предположение, что в сущности это обязывало расселять обезземеленных лиц на землях славяноболгарской аристократии и предоставлять им надель. Иными словами мы встречаемся с практикой, напоминающей византийский «арифмос», — с той разницей, что здесь речь идет не о случаях заселения обезземеленных крестьян на господских землях, а об общем распоряжении в форме закона.

Обезземеление болгарского крестьянства наблюдается также в X в., как можно судить по «Беседе» Пресвитера Космы и по некоторым пассажам «Шестоднева» Иоанна Экзарха. Особенно массовым было разорение сельского населения в середине и второй половине XIV в., когда начались нашествия турок. Об обезземелении крестьян имеются данные и из истории средневековой Сербии.

Как в Византии, так и в Болгарии и Сербии обезземеленные лица могли исполняться феодалом на его владениях или по распоряжению центральной власти (пример законодательства Крума), или по желанию будущих париков. Об этих двух возможных вариантах свидетельствует грамота сербского короля Милутина монастырю Георгия Бырзы (издана в 1300 г.). Из нее явствует, что под властью игумена монастыря могли быть как люди, переданные ему по распоряжению центральной власти («кои му законъ оупише»), так и пришедшие на его земли по собственному почину («. . . ако самохотию кто оузлюби дръквь и придет») ⁵. В первом случае отношения зависимости складывались в силу действующего в соответствующий период публичного права, во втором случае эти взаимоотношения устанавливались на частноправовой основе (между феодалом и обезземеленным крестьянином-присельником на его земле).

В поселении обезземеленных лиц во владениях феодала был заинтересован не только крестьянин, но и крупный землевладелец, который обеспечивал себя столь необходимой ему рабочей силой для «господской земли». Отсюда — неуклонное стремление светских и церковных феодалов и в Византии, и в Сербии увеличивать число приходящих в их имения обезземеленных людей, выискивать все новых и новых присельников. Отсюда и особенно сильно проступающая в сербском феодальном праве XIV в. тенденция не допускать переманивания людей одним феодалом с земель другого. Подобная практика, выраженная словами «прием людски», засвидетельствована в законе Душана, и ее применение осуждается и запрещается, как недопустимое нарушение прав феодала на его собственных людей.

Второй путь формирования частновладельческой зависимости в византийском селе — когда непосредственные производители подпадали под

⁵ Ср. Р. Грујић. Три хиландарске повеље. — «Зборник за историју јужне Србије и суседних области». Скопље, 1936, стр. 21.

власть местного феодала вместе со своей землей, т. е. без предварительной экспроприации и без изменения местожительства. Таким образом становились зависимыми как отдельные лица, так и целые села. Этот процесс мог осуществляться добровольно или лжедобровольно (классический пример — так называемые патронатные отношения), в силу внеэкономического принуждения, выраженного нормативными актами в духе феодального права, и путем прямого насилия и произвола. Примеры этого содержатся в большом числе источников, начиная с середины X в. Интересно, что непосредственных производителей можно было поставить вместе с их землей в частновладельческую зависимость и с помощью распоряжений уголовного характера. Когда в 805 г. был подавлен бунт славян Пелопоннеса, Никифор I повелел передать бунтовщиков вместе с семьями, родственниками и всем их имуществом во власть Патрской митрополии святого Андрея. Таким образом, славяне оказались не только лишены остатков политической самостоятельности, но и превращены в церковных париков, и их феодальным владетелем стал патрский митрополит ⁶.

Подчинение непосредственного производителя — земельного собственника феодалу могло осуществляться двояко. В одном случае феодальная зависимость возникала в результате частнопредварительной договоренности (разнообразные формы патроната), во втором — решающая роль принадлежала центральной власти, которая издавала дарственные грамоты, карательные распоряжения и пр.

Указанный путь развития феодализма (без предварительной утраты аллоидальной собственности) наблюдается не только в Византии X—XV вв., но характерен и для других балканских государств (в первую очередь для Болгарии и Сербии). Если обратиться к болгарским и сербским грамотам XII—XIV вв., то можно увидеть, что почти всюду речь идет о передаче под власть светских или церковных феодалов крестьян вместе с их землей. Притом интересно, что и здесь немалую роль играют уголовноправовые распоряжения. Показательна в этом отношении статья 1 «Закона судного людем», — первого письменного древнеболгарского правового памятника, изданного вскоре после введения в стране христианства (865 г.). В ней сказано, что «каждое село, где совершаются языческие обряды и заклинания, должно быть передано божьему храму вместе со всем его имуществом» ⁷. Таким образом, принимая меры для искоренения язычества, болгарское государство способствовало упрочению феодального базиса страны.

Говоря о двух путях формирования феодальной зависимости в Византии, интересно было бы остановиться на том, в какой мере этот процесс развивался под знаком частнопредварительных отношений, а в какой мере решающей была роль государства. Разумеется, вопрос этот нуждается в подробном и всестороннем изучении и его решение весьма трудно ввиду отсутствия достаточного материала, а особенно из-за того, что документов частнопредварительного характера сохранилось значительно меньше, чем документов, вышедших из императорской канцелярии.

Формирование феодальной зависимости на основе частнопредварительных отношений было типично для так называемого «западного пути» развития феодализма, которому, впрочем, не чужд и европейский Юго-Восток в средневековую эпоху. Но в Византии и остальных балканских государствах, которые следовали в этом отношении византийскому образцу, гораздо лучше можно проследить второй путь развития феодализма, когда главной движущей силой формирования частновладельческой зависимости является само государство, олицетворяющееся императором и действующими по его распоряжению чиновниками. Именно государство раздает крупным землевладельцам обезземеленных людей (по системе упоминав-

⁶ Д. Ангелов. История на Византия, ч. I. София, 1959, стр. 287—288.

⁷ Ср. соотв. текст: В. Ганев. Законъ соудный людемъ. София, 1959, стр. 163.

шегося «арифмоса»), оно закрепощает бунтовщиков (случай с пелопоннесскими славянами), оно раздаёт светским и церковным динатам целые села вместе с населением, оно определяет размер пронии, экскуссий и иммунитетных прав — словом, при его непосредственном участии формируется византийское феодальное общество. Эта ведущая роль Византийского государства четко отображена уже в известном «Податном уставе» — одном из важнейших памятников, отобразивших процесс построения феодального базиса в IX—X вв. Следствием решающей роли государства в феодализации Византии явился, в частности, характер феодальной ренты в XIV—XV вв.⁸ Разумеется, то обстоятельство, что византийский и вообще балканский феодализм развивался не только и не столько на основе частноправовых отношений, сколько на основе публичного права, не даёт нам основания говорить о неразвитости феодальных отношений в Византии, об их незаконченности (такого мнения придерживается К. В. Хвостова). В сущности, в этом — своеобразии византийского и балканского феодализма по сравнению с феодализмом в Западной Европе, что имеет свои глубокие причины, исследование которых должно быть предметом отдельной работы.

---

⁸ См. К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968.